

Борис Орлов

Бориса Александровича Орлова я повстречал в 2005 году. Зашёл «на огонёк» как представитель рижского Союза литераторов. Он тогда был (и остаётся до сих пор) председателем Петербургского отделения Союза писателей России. Фигура неоднозначная для многих. Но для меня понятная и прямая. У него морская закалка. У меня тоже. Поэтому общаемся мы, что говорится, без переводчика: моряк моряка видит издалека. Хотя в званиях у нас большой разрыв: у него погоны капитана 1-го ранга, у меня старшины 1-й статьи. Но на Северном флоте служили параллельно: он на атомной подводной лодке, я в базе подплава. В обращении он прост и конкретен. Как старому подводнику, ему постоянно нужна цель и образ врага. И он находит и то и другое. Врага он чует нутром, определяет по слову, поведению и делам. Борется с врагами жёстко и бескомпромиссно. Поэтому и врагов у него много. Под его горячую руку и крутой нрав лучше не попадаться. Молодые литераторы, коих в Петербурге не счесть, его побаиваются и встают на дыбы: он редко их журит, в основном ругает и воспитывает, как матросов на военном корабле. Стиль его руководства военный, но по-другому, пожалуй, нельзя. Литераторы – народ ревнивый, амбициозный, нередко раздражительный, иногда завистливый, эгоистичный, эгоцентричный – разный. Их может сплотить только военная дисциплина, даже если это сплочение направлено против самого руководителя. Поэтому-то питерская организация (одна из самых многочисленных в России) и держится, и работает, и, в конечном итоге, существует.

Я как-то высказывал ему мысль о том, что борьба эта может отвлекать от самого творчества, ослабить поэтический дар. А этот дар у него безусловно есть. Может быть, в силу внутренних симпатий я переоцениваю его, сравниваю его с продолжателем русских поэтических традиций, связанных с такими именами, как Сергей Есенин, Николай Клюев, Сергей Клычков. Поэзия его проникнута болью за Россию, за русскую деревню, за наш флот – опору нашей самостоятельности и независимости. А простой философский итог жизни вылился у него в такие строчки:

Шаг тяжёл. И постарело тело.
Чаще ждём нерадостную весть.
В детстве мир мечтаем переделать,
В старости – оставить всё, как есть.

В нём явно и не манерно, без надрыва проявляется русская самобытность и не израсходованная до конца богатырская сила. Он прост в общении, даже иногда слишком прост в частной разговорной речи, но найти и сказать вовремя нужное слово он умеет. Бьёт всегда в точку, в цель, как при торпедной атаке. И враги его ничуть не отвлекают от творчества, а, похоже, придают даже новый поэтический импульс. Это его держит на плаву. Он сам признаётся в своих стихах: «Но знаю, что вам без меня спокойней жилось бы и тише».

– Я, – реагировал он как-то на мой посыл о «внутриполитической борьбе» в писательской среде и её отвлекающих факторах, – даже во время боевых дежурств, когда уходишь в поход, как на во-

йну, раскладывал чистые листы на атомном реакторе и – писал. И то были не самые плохие стихи, а возможно, и лучшие. Так что состояние конфронтации для меня привычно. Для меня это рабочая атмосфера. В конфронтации познаются не только враги, но и друзья.

У меня с ним тоже была «сцепка». Ему страшно не понравилось моё одномоментное сотрудничество с его нелюбимым питерским Альманахом, а скорее всего, – с его редактором. Сколько было упрёков и укоров на мою голову!

– С кем ты связался?! – напал он на меня. – Ты вообще знаешь, кто он такой?! На лодке таких на пушечный выстрел не подпускают...

Я даже не защищался, а апеллировал просто и доходчиво, мол, твоих мотивов я не знаю, войю с ним сам и меня в эти военно-морские игры не вмешивай...

– Да ты знаешь... – продолжал Орлов...

Пришлось его прервать – не знаю и знать не хочу...

Какое-то время он «держал на меня зуб». Это было видно по натянутым с его стороны отношениям. Но поскольку с моей стороны я ничего на себя не тянул и сохранял к нему прежнюю приязнь и уважение, он это почувствовал и постепенно оттаял. Прослужите десять-пятнадцать лет на подводной лодке, и я на вас посмотрю. Поскольку знаю эту службу не понаслышке. Моряк-подводник – это особый статус. На нём лежит (говорю это без пафоса) мир на нашей планете. Он держит в узде весь остальной западный союзнический анклав, оскалившийся на Россию, как свора бездомных собак. Когда субмарина приходит из дальнего похода, пробыв полгода под водой, моряков качает от ветра, а сами они похожи на бледнолицые привидения, до конца не осознающие реальность встречи с долгожданным берегом. Потом их здоровье восполняется обязательным отдыхом и почти месячным лечением в лучших санаториях. Но походите вот так хотя бы с пяток лет, вы по-хорошему заматерееете, приобретёте навыки бойца и непримиримость к фальши и лжи. Всё это Орлов приобрёл, и от него этого уже не отнимешь.

С Борисом Орловым не всё так просто. Потому что он и сам не прост, а бывает, и недосыгаем. В него надо вчитаться. Понять его может только человек русской души. Как-то в разговоре с одной петербургской поэтессой, чья необыкновенная стилистическая палитра привлекает внимание немалого круга читателей, речь зашла о Борисе Орлове. Поначалу она скептически отнеслась к этому имени, припомнив совместное выступление на одной из поэтических площадок. Её не привлекла ни форма морского офицера, ни чёткие «рубящие» строки его патриотических стихотворений. Да и говорили о нём в поэтической среде самое разное.

– Что есть стих? – спросила она не то у меня, не то у себя, и продекламовала:

Поэта стих – обрывки разговора,
песчинки смеха – хрусталя...

Мне, к сожалению, пришлось её прервать:

«Я понимаю вашу поэтическую воздушную стихию, но и вы постарайтесь понять его стихию – стихию моря, родной земли, стихию грусти и боли за свою Родину, стихию Богом данной нам жизни. И кстати, его стихи о России очень созвучны с вашими...» – «Моими? – удивилась она. – Не может быть!» – «Что-нибудь можете прочесть из своего?» – попросил я. «О России? Ну, хотя бы вот это». И она своим приятным грудным мелодичным голосом стала читать:

Я принимаю в дар дыханье лёгкое полей,
медлительность просёлочной дороги,
всеблагодатную отверженность монастырей
и в прорези лесов – глаза озёрной
глади-недотроги.
Смиренная, приму смиренность ноября
и мерность времени вне веденья полёта,
привычку матери – калитку отворя,
перекрестить вослед, оберегая
от кого-то.
Всевышнего немилость, Русь моих скорбей,
приму без слёз, без вздоха укоризны...

Но золотых всевластие цепей? –
Как не вольна душа твоя в них,
бедная ОТЧИЗНА...

– А теперь открываем томик Орлова, и я вам зачитаю то, что вам наверняка должно понравиться:

Скорее бы добраться до ночлега,
Пока в деревне люди не уснут.
Скрипит моя разбитая телега
И щёлкает лохматым длинный кнут.
Живём на горе, а не на потеху,
Как двести лет назад... И грязь, и жуть.
Бежит лошадка там, где не проехать
Машинам, – позабытый русский путь.
Смеркается. Но шаг лошадки пегой
Короток. Впереди слышна гроза.
Скрипят деревья. И скрипит телега.
И жизнь течёт, как двести лет назад.

– Это Орлов?! – спросила с удивлением поэтесса.

– Это Орлов! – подтвердил я.

– Да-а, – протянула поэтесса и тихо добавила: – прав Фёдор Михайлович – широка русская душа.

Метапрозаик Юрий Серб

О Георгии Александровиче Лебедеве мне, признаюсь, писать боязно. По моим представлениям, он человек безупречной культуры, ревнитель русского языка, о сохранности и возрождении которого печётся всей душой и всеми своими силами. А в последнее время, именно возрождая наш упрощающийся родной язык, обращается к почти забытой дореволюционной орфографии.

Вот что он сам пишет о себе в прилагаемом для одного журнала анонсе:

«Юрий Серб (Г. А. Лебедев) считает, что реформаторы сознания и алфавита произвели недопустимое насилие над языком и отечественной культурой, переиздавая русских классиков в “облегчённой” орфографии образца 1918 года, потому что буквы “ять” (ѣ), і (да и твёрдый знак в конце слова) несли важную смысловозначительную и фонетическую функцию в тексте. В значительной мере из-за этой “реформы правописания” современные журналисты искажают падежные окончания и нарушают синтаксис, “не говоря уже о том, что при каждом современном переиздании Пушкин, Гоголь, Чехов переворачиваются в гробу”».

Ю. Серб издаётся с 1989 года. Участник последнего в СССР Всесоюзного совещания молодых авторов (1989). Член СП России с 1996 года. Был делегатом XIV съезда СП России (2013). Лауреат Всероссийской премии им. А. К. Толстого за книгу «Страна Эстремагвай» (2012).

Дебютировал сборником рассказов «Годовщина прошлой листвы» (1995). Основные произведения: повести «Наказ Каламбургеру», «Речка Нача», «Агевлиада», дилогия «Солнце вдоль проспекта», романы «Площадь Безумия», «Топот, хохот и тьма», «Шумь».

Первая книга трилогии «Мы только шумь колосьевь на вѣтру» опубликована в литературном Интернет-журнале «Молодое око» и является, по-видимому, «первым прозаическим произведением, написанным и опубликованным в Российской Федерации в соответствии с правилами русского правописания».

Родился Георгій Лебедевъ (Юрій Сербъ) въ 1944 году на Волыни, окончилъ филологическій факультетъ Ленгосуниверситета въ 1970 году, живётъ, по собственному признанию, въ Петроградѣ.

Этот анонс не был опубликован, формат журнала не предусматривал никаких предупреждений перед публикацией авторских текстов. А жаль. Но в любом случае Георгий Александрович остаётся для меня образцом самого бережного отношения к нашему языку как отражению души народа. Упрощается, опрощается язык, замещаются понятия, уходит и мистическая сторона жизни, его трансцендентная метафизическая составляющая. Только посмотрите дореформенные тексты: какая

красота письменного рисунка! В нём заложена и вязь древнеславянских писаний, и корневая основа пришедших извне слов, и эстетика самого письма, где всё взаимосвязано, сцеплено незримыми нитями логики изложения. Действительно, наши дореволюционные классики пришли бы в ужас, увидев свои «реформированные» произведения в современных книгах – это урезанная, оскопленная письменность, потерявшая первоначанную чистоту, идущую от Творца.

Георгий Александрович совершил своего рода подвиг: он каким-то образом выискал компьютерную программу, дающую возможность писать старорусским шрифтом, и уже написал им одну из своих книг, где в предисловии предупредил своего читателя следующим сообщением: «Ввиду того, что записи князя Петра сдѣланы въ традиціонной русской орфографіи, авторъ нашѣль сугубое удовольствіе въ томъ, чтобы привести весь текстъ къ нормамъ исконнаго русскаго правописанія».

И действительно, при одном только взгляде на оживленную старую письменность получаешь именно изысканное удовольствие. И ещё Георгий Александрович пишет по этому поводу: «Совѣтую вамъ поискать въ “Старой книгѣ” (или въ Интернетѣ), напримѣръ, “Дворянское гнѣздо” Тургенева или “Обрывъ” Гончарова (*имеется в виду – в старой орфографии*). Хватить питаться фальсификатами! Это вредно, это душевредно».

При встречах с Лебедевым (после бомбѣжек Югославии он взял себе псевдоним Юрий Серб) я всегда стараюсь контролировать свою речь, боясь ошибиться падежом или неправильно поставить ударение в слове, чем мы почти все грешим. Я даже не знаю толком, чем мне оправдать его пиетет по отношению ко мне – человеку с неполным высшим образованием? Возможно, он меня переоценивает или принимает не за того. В любом случае я робею и стараюсь не произносить длинных речей, чтобы не запутаться в сетях довлеющего над всеми нами новояза, коварно проникшего в наше сознание.

В этом отношении Георгий Александрович олицетворяет (по крайней мере, для меня) образ идеального литератора. И его метапроза, которая несёт в себе глубокий смысловой подтекст и является давним явлением в мировой литературе, заставляет читателя задуматься над многими вещами, мимо которых мы пробегаем в спринтерском запале, не останавливаясь и не переводя дух, а в итоге пробегаем мимо самой жизни. Метапрозу в произведениях Юрия Серба можно представить как синтез мысли, воображения и конкретных ассоциаций (Георгий Александрович здесь уж точно упрекнёт меня за употребления заимствованного латинского слова), замкнутых в реальные или условные рамки романа.